

В. Г. Брюсова,

доктор искусствоведения,
лауреат Государственной
премии РСФСР

Нужен Музей Гурия Никитина

Сегодня уже никто не возразит, что имя древнерусского живописца Гурия Никитина стоит в одном ряду с такими всемирно известными художниками, как Андрей Рублев и Дионисий. Около тридцати лет Гурий Никитин был главой костромской школы живописи, руководил сильной артелью талантливых иконописцев. Мне посчастливилось проводить работы в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, в церкви Воскресения в Костроме. Поразило величие образов этого гения. Впечатление от проникновенности произведения мастера так велико, что отнюдь не будет преувеличением сказать: творчество Гурия Никитина можно сравнить с мощным фонтаном, вырвавшимся из глубин народного духа и блещущим драгоценными самоцветами невиданной красоты, отражающими прекрасные свойства человеческой души. Это был последний великий художник Древней Руси.

Я приведу слова нашего замечательного художника-реставратора С. С. Чуракова, умевшего живо и горячо воспринимать монументальную живопись XVIII века, — он так писал: «Все мы знаем по именам знаменитых флорентийских и венецианских художников, но, к нашему стыду, почти не знаем имен славных мастеров ярославской и костромской школ XVII—XVIII столетий. Художники эти не менее значительны, чем прославленные наши и западные живописцы, и заслуживают того, чтобы в них видели яркие личности...»

Какое высокое эстетическое удовлетворение получаешь, работая над такими шедеврами, как фрески Троицкого собора! Какое возвышенное, благородное и человеческое искусство!

Гурий Никитин был ху-

дожником не только огромного таланта, но и высокого самосознания, чувства ответственности перед своим народом. В летописи на стенах храма читаем такую надпись: «Всем же изографное воображение в духовное наслаждение во вечные времена века».

Мудрое пожелание художника, обращенное к будущим поколениям, для столь отдаленной эпохи кажется необычным высокой осознанностью задачи, поставленной перед искусством. Не духовное поучение или духовное воспитание, но духовное наслаждение, то есть наслаждение эстетическое; первое место здесь принадлежит эмоциональному восприятию искусства, красоте и гармонии живописи, художествен-

В. Г. Брюсова.

ному образу. Если художник так далеко смотрел вперед, что смог облечь свою мысль в эстетические категории, которые находят место и в современной науке о прекрасном, каким же было его собственное искусство? Ответом на этот вопрос стала моя монография об этом крупнейшем художнике XVII века эпохи русского Возрождения, изданная в 1982 году. Но наиболее убедительным ответом мог бы стать музей Гурия Никитина в Костроме, необходимость в котором давно назрела.

С. А. Матюгин,
архитектор

Тревожась о городе

Своевременные заметки

Наша Кострома, уже более восьми веков уютно расположившаяся по берегам слияния рек Волги и Костромы, пожалуй, единственный из российских городов, сохранивший в такой целостности планировочную структуру, реализованную «по плану, Высочайше подтвержденному в 1781 году...», и неповторимое лицо губернской глубинки, несмотря на все понесенные утраты.

Заблудиться в историческом центре практически невозможно даже впервые приехавшему человеку, не знакомому с городом, потому что все семь улиц-лучей ведут к «сковородке» — восьмигранному скверу в центре. Логично и просто застраивались городские кварталы — сначала угловые дома на перекрестках, а затем уже и весь квартал, причем жилые дома строили по специально разработанным «образцовым проектам» — не путать с нашей типовой застройкой, а как происходит эта застройка, объяснять, наверное, не надо: в какую точку страны ни приедешь, все едино, даже названия улиц.

К сожалению, после 1917 года у нас не прибыло ни одного настоящего творения архитектуры, а вот разрушаться и исчезать они продолжают со все нарастающей быстротой, и в первую очередь, сносятся старинные деревянные дома, заклеименные словом «ветхий фонд».

Что же делать? Как спасти гибнущий город-памятник? Каким образом предотвратить превращение его в урбанизированный типово-безликий, которыми и так уже переполнен Союз?

За годы Советской власти город увеличился почти в шесть раз и примерно во столько же раз меньше стало памятников архитектуры.

В свое время Никита Хру-

щев после поездки в Соединенные Штаты внедрил все-союзно не только кукурузу, но и типовое индустриальное домостроение, а раз типовое, то зачем нужен архитектор, если и инженер сможет подсчитать положенное количество жилой и полезной площади на усредненного обитателя новых домов. Вот так архитектор попал в подчинение к инженеру, и в результате вся страна заполнена «хрущевками».

Но даже после того как архитектора решили вернуть на должный уровень, в фавор у начальства и городского и «гражданпроектного» попадают в основном лишь архитекторы удобные, с жизненным принципом «чего изволите?», плюющие на старые «гнилушки» и способные на все, что прикажут сверху. Именно по их разработанному генплану продолжается у нас в Костроме наступление на исторический центр серых, угрюмых громадин, тихо и незаметно умирает старая архитектура.

* * *

В мае 1990 года при горисполкоме на общественных началах была создана «Постоянная комиссия по сохранению и сносу зданий в зонах исторически сложившейся застройки г. Костромы». В ее состав вошли архитекторы, реставраторы, искусствоведы, представители ВООПИиК, горжилуправления, пожарной охраны и прочие ответственные за судьбу города люди.

Вот выписка из решения горисполкома:

«...Основная задача постоянной комиссии — подготовка списка зданий и сооружений, подлежащих восстановлению, сохранению или сносу с учетом их исторической, культурной или архитектурно-градостроительной ценности...

Выводы и предложения комиссии, утвержденные исполкомом или сессией городского Совета народных депутатов, обязательны для исполнения».

Итак, существует и действует комиссия, члены которой меж собой в шутку называют ее «несносной», то есть тормозящей повальный снос, и вроде бы все как надо, как записано в решении испол-

кома, — комиссия разрабатывает выводы и предложения, исполкомом эти выводы и предложения утверждаются, а утвержденные, они обязательны для беспрекословного исполнения. Но здесь-то и кроется основная сложность.

До сих пор не отработан и никем не утвержден, а значит, и не действует сам механизм сохранения или передачи для сохранения зданий, особенно жилых деревянных домов, являющихся неповторимым лицом Костромы.

Стоит разобраться, каким образом дошли они до состояния «гнилушек».

Во-первых, конечно же, над ними поработало время. Но в Музее-заповеднике деревянного зодчества при Ипатьевском монастыре находятся деревянные постройки, возраст которых по два-три столетия. Их состояние почти идеальное, а вот в центре города домов того же возраста уже не найти. В этом виноваты и многочисленные пожары, но главное — отношение к ним людей, условия эксплуатации.

Как известно, после революции большинство жилых и даже нежилых построек превратили в коммуналки. Все коммунализованные дома попали под опеку и контроль жилотделов, а люди, поселенные в коммуналках, не чувствовали себя хозяевами. А с нехозяев какой спрос. К тому же после сооружения Костромского водохранилища и превращения Волги в болото поднялся уровень грунтовых вод, а в качестве культурного слоя растут слои асфальта по всем улицам. В результате нарушен и местами ушел под землю гидроизоляционный слой оснований многих зданий, подвалы с полуподвалами стали сырыми, в подвалах на набережной после «одевания» ее в монолитный железобетон вообще стоит вода, поскольку перекрыты подземные водостоки. О какой же сохранности может идти речь?

Не так давно созрело решение о сохранении и восстановлении исторических жилых построек путем передачи их нуждающимся в жилье и желающим за свой счет восстановить первоначальный фасад и произвести внутреннюю перепланировку. Но так просто ничего произойти не может. Зачем отдавать нуж-

дающимся, когда полно кооперативов, с которых можно доить денежки. Вот так множество вполне пригодных для жилья домов отданы на произвол кооперативов, которые вместо реставрации и сохранения добывают их окончательно. Самый кричащий пример — жилой деревянный дом на ул. Энгельса, превращенный в кооперативный ресторан «Узбекистан» в восточном стиле, конечно же, только в интерьере, а снаружи некогда прекрасный дом лишен всех архитектурных деталей, обит цементно-стружечной плитой (что ускорило его разрушение) и покрашен в яркий оранжевый цвет.

Я не против кооперативных заведений, но логичнее было бы возрождать торговые мастерские, развлекательные заведения в тех зданиях, где они и находились до революции, и начинать, наверное, можно с комплекса торговых рядов и первых этажей зданий, по санитарным нормам не пригодных для жилья.

Но не забыты и желающие получить жилье в старых домах, только эти дома не передают, а продают, и за хорошие деньги. Удивительное дело, советская власть ни копейки не вложила в строительство этих домов, возведенных до революции, не считая их эксплуатировавшего более семи десятилетий, получая при этом прибыль (значит, они давно себя окупали), а сейчас, когда эти дома доведены почти до состояния трупов, их еще и продают, как молодые и крепкие. Где ж логика, не говоря уж о совести? А чаще с ними расправляются еще более жестоко: выселяют людей, а дом бросают на произвол судьбы, и, конечно же, вскоре мародеры оставляют от него рожки да ножки.

Что же касается масштабов сноса — на сегодня в список перспективного уничтожения попало около шестисот домов.

* * *

Много ли церквей в Костроме и сколько их сегодня нужно? Какие из утраченных восстанавливать, а какие нет? Все эти вопросы не сходят с уст многих костромичей, а ответов пока нет, спор между

сторонниками и противниками возрождения памятников может быть бесконечен.

Известно, что максимальное число прихожан одного храма не должно превышать тысячи человек, в противном случае настоятель храма не в состоянии даже запомнить свою паству и проповеди его не дойдут до прихожан. До революции в Костроме проживало около 48 тысяч человек и церковью было 48, сейчас же при населении, приближающемся к 280 тысячам, действующих храмов только шесть.

Конечно, уже не одно поколение воспитано в духе

планетарий, парикмахерская, различные конторы, кооперативы и т. д. А если взять во внимание область, то список резко увеличится. Остается только ждать и надеяться, что в скором времени все эти милые сердцу каждого русского человека памятники истории обретут свою первоначальную красоту и величие.

* * *

Не столь давно бывшие воины-афганцы обратились к исполнительным властям города и горожанам с просьбой о содействии в возведении часовни, посвященной памяти погибших товарищей, и начали сбор средств.

Это было похоже на крик отчаяния, потому что проведенные конкурсы на проект монумента ни к чему не привели, но поглотили пятнадцать тысяч рублей. Потому мы, архитекторы, считающие своим долгом помочь афганцам, предложили не строить новую часовню, а возродить утраченную Предтеченскую церковь.

Но вслед за заявлением афганцев в местной печати появилась статья, автор которой задается вопросом: «Герои они или нет? И достойны ли памяти?» Ответу ему: воины-афганцы — это наша боль и мука, и вычеркнуть эту войну из своей судьбы не сможет до конца жизни ни один из них. Мой отец — ветеран и помнит чуть ли не каждый день и час четырех лет пережитой Отечественной войны, а нынешним «Иванам родства не помнящим» не терпится поскорее забыть, как десять лет Афганистан сжирал и калечил лучших наших ребят — цвет нации. Да, существует мнение, что нельзя сравнивать обе войны и воинов, в них участвовавших, поскольку первая из них была справедливой и освободительной, а вторая велась Бог весть за что и почему, но тем сильнее горе пострадавших в афганской войне. Поэтому увековечивание памяти погибших — дело святое: в Предтеченской церкви в день усекновения главы Иоанна Предтечи поминали Ивана Сусанина и всех поверженных воинов.

Воссоздав Предтеченскую церковь, мы решим триединую задачу: возродим архитектурный памятник, важный

элемент кремлевского ансамбля Костромы; увековечим память ребят, павших в Афганистане; возродим вековую связь поколений.

По предварительным подсчетам, необходима сумма в 250 тысяч рублей. Учитывая то, что в Костроме проживает приблизительно 280 тыс. человек, и исключив из них примерно половину, детей и стариков, и сделав поправку на противников строительства, равно как и учитывая, что двадцать процентов нужной суммы афганцы уже собрали, получится чуть больше рубля от каждого доброго человека.

Творческая архитектурно-проектная мастерская «Костромархпроект» возлагает на себя выполнение и финансирование проектных работ.

Все это вполне реально, но на душе как-то нехорошо оттого, что возведением памятника афганцам занимаются сами афганцы. Это было бы понятно и логично, если бы наши ребята попали на бессмысленную войну по собственной воле и как наемники и теперь самостоятельно решили воздвигнуть монумент своим подвигом. Но в том и дело, что в Афганистан их отправили подневольно и сколько раз говорили, что Родина их не забудет! И что же в итоге: гнуснейшая война велась руками лучших, отборных ребят и теперь их же, обманутых ложными призывами, пытаются унизить и забыть. А ведь были пламенные лозунги и военные приказы. Но все это было и прошло, а остались только афганцы с мечтой о храме, в котором их будут вечно помнить и в который каждый из них сможет прийти в трудную минуту за добрым словом, сочувствием, помощью.

Надеюсь, что возрождение Предтеченской церкви станет предтечей возрождения всех костромских церквей.

Кострома. Предтеченская церковь. 1762.

атеизма, но число верующих в последние годы увеличивается, а сколько их, никто не знает, не известен и процент прироста — значит, нужны социологические исследования и опрос населения. Сейчас храмы переполнены народом, особенно в праздники, а значит, с церквами может произойти то же, что и с домами, превращенными в коммуналки.

Больше всех и громче всех бьют тревогу работники музеев и реставраторы, утверждая, что продолжение подобной эксплуатации храмов приведет к гибели древних фресок, они неминуемо исчезнут уже в ближайшее время. Поэтому выход из положения напрашивается сам: необходимо срочно увеличить количество действующих храмов — ведь многие из сохранившихся культовых построек до сих пор выполняют не своиственные им функции. Привожу неполный перечень «профессий» сохранившихся памятников, ранее принадлежавших епархии, — это жилье, музеи и выставочные залы, родильный дом (кстати, насквозь пораженный стафилококком), обслепом, хлебозавод, облсобес,